

Ночь уже полностью вступила в свои права. Жители деревни семьи Лу давно спали, и Чжу Цинчэнь, не желая тревожить их покой, увел своих спутников в бамбуковую рощу — туда, где когда-то оттачивал свое мастерство Лу Наньсин.

И Чэн И, и Лу Наньсин находились на пороге прорыва.

Для Чэн И это было естественным итогом долгого пути, подобно тому как наполненный до краев сосуд начинает переливаться через край. Лу Наньсин же, спровоцированный вероломством учеников ордена Сюаньтянь, испытал внезапную вспышку мощнейшей духовной энергии. Не в силах совладать с этим бушующим потоком, он тоже подошел к моменту формирования Золотого ядра.

Тела обоих юношей пылали жаром. Если бы сейчас не удалось направить энергию в нужное русло, им грозила неминуемая гибель от разрыва тела.

Чжу Цинчэнь, подхватив учеников, перенес их к двум массивным мшистым камням.

— Сядьте ровно, скрестив ноги. Усмирите дыхание и сосредоточьтесь на меридианах.

Разум обоих затуманился от жара, но голос наставника они слышали. Повинуясь привычке, юноши послушно выпрямились и замерли в позе для медитации. Чжу Цинчэнь заглянул в сумку цянькунь, предоставленную Системой, и достал заранее приготовленные пилюли. Каждому досталось по драгоценному лекарству.

Остальные вольные практики с тревогой наблюдали за происходящим. Один из них выступил вперед и, поклонившись, произнес:

— Сяньцзунь, орден Сюаньтянь совсем рядом. Мы распределимся по округе и выставим дозоры, чтобы эти подлецы, опомнившись, не вздумали явиться сюда и сорвать прорыв.

Чжу Цинчэнь коротко кивнул:

— Добро.

Практики, сложив руки в приветственном жесте, бесшумно растворились среди зарослей бамбука, беря товарищей под защиту. Чжу Цинчэнь тем временем расставил вокруг камней защитные артефакты.

В это мгновение небеса затянуло иссиня-черными тучами, и разнесся глухой гром. Формирование Золотого ядра в мире заклинателей называли «Малой грозовой скорбью» — это было испытание, на котором многие останавливались в развитии или вовсе расставались с жизнью.

«Не тревожься, — раздался в голове голос Системы. — У них всё получится»

Чжу Цинчэнь, не отрывая взгляда от тяжелых ветвей бамбука, отозвался:

«Я лишь подумал о том, что законы этого мира порой удивительно логичны»

«О чем ты?» — не поняла Система.

«О том, что сидеть под деревом в грозу — верный способ получить удар молнией»

«...»

Вскоре громыхнуло уже по-настоящему, и на землю упали капли дождя размером с бобы, мгновенно вымочив Чэн И и Лу Наньсина. Чжу Цинчэнь коснулся их лбов, проверяя пульс и дыхание.

— Вот так. Не спешите, пусть сила течет сама.

Услышав знакомый, спокойный голос, юноши окончательно успокоились. Сяньцзунь не отходил от них ни на шаг, разделяя с ними тяготы небесного испытания.

Вспыхнула ослепительная молния, расколов небо надвое. Грохот грома докатился и до вершин ордена Сюаньтянь, но его обитателям сейчас было не до небесных знамений.

Сюй Фантин всё еще лежал на земле, вцепившись пальцами в мокрую траву и грязь. Лицо его искажилось от бессильной злобы.

«За что? Почему Чжу Цинчэнь так обошелся со мной? — пульсировало в его мозгу. — Это ведь не я придумал красть ядра! Не я жаждал чужой силы! Почему он не ограничился наказанием главы и Шэнь Минчжу? Зачем нужно было выставлять меня на посмешище перед всеми?»

Пусть он обманул Чэн И — но ведь тот всё понял! Его план провалился, он никого не успел убить, более того — сам оказался в ловушке, расставленной мальчишкой!

Он — избранный спаситель. Как Чжу Цинчэнь посмел так поступить с ним?

Ученики Сюаньтянь хотели подойти и помочь ему подняться, но, встретив его полный ненависти взгляд, в нерешительности замерли на месте. Сюй Фантин, игнорируя их, с трудом встал сам.

Да, он — герой пророчества. Оскорбив его, Чжу Цинчэнь предал не только его лично, но и всё человечество. Печать Демонической бездны слабеет с каждым днем, и все великие ордена надеются лишь на его грядущее вознесение. Когда они узнают об этом позоре, Чжу Цинчэню не будет места под солнцем. А когда Демонический бог вырвется на свободу... что ж, пусть тогда Сяньцзунь попробует сохранить свою спесь, пока его будут разрывать на куски.

Сюй Фантин вытер кровь с губ и обернулся к ученикам. Те невольно отпрянули, настолько пугающим был его взор.

— Со мной всё в порядке, — голос его звучал глухо. — Всё, что говорил Чжу Цинчэнь — ложь, вырванная под пытками. Я никогда не совершал подобного безумия с пересадкой ядер.

Все присутствующие прекрасно понимали истину, но Сюй Фантину было необходимо сохранить хотя бы видимость достоинства.

— Ни слова об этом за пределами ордена. Если слухи поползут — Сюаньтянь погибнет.

Ученики, привыкшие бахвалиться именем ордена, поспешно закивали. Они не станут болтать — позор секты был и их личным позором. Сюй Фантин в одиночестве переступил порог горных ворот.

Глава и старейшины, несмотря на тяжелые раны, тоже начали приходить в себя. Под проливным дождем глава, взвалив на спину бесчувственного Шэнь Минчжу, вместе с остальными добрался до покоев.

Едва оказавшись внутри, они принялись лихорадочно поглощать целебные пилюли. Они набили животы снадобьями до отказа, так что те даже раздулись, но раны не затягивались, а в душе рос леденящий ужас. Вспомнив про «Искусство чистого сердца», они начали искать письменные принадлежности.

Но за годы праздности они почти позабыли древние тексты. С трудом отыскав пару свитков, старейшины, толкаясь и вырывая друг у друга кисти, принялись судорожно переписывать строки.

Глава ордена не присоединился к ним. Он пытался впихнуть пилюли в рот Шэнь Минчжу, надеясь на чудо. Никто из них так и не осознал простых слов Чжу Цинчэня: «Праведный труд исцелит ваши души. Кривые тропы ведут в бездну».

Поэтому ни горы лекарств, ни исписанные листы не приносили им покоя. Им казалось, что

Сяньцзунь вот-вот ворвется в комнату, чтобы забрать их жизни. В пылу ссоры старейшины испортили несколько свитков и принялись осыпать друг друга обвинениями.

— Это ты виноват! Всё из-за вас!

— Я говорил, что это против воли Небес, но вы и слушать не хотели!

— Глава совсем из ума выжил со своим любимчиком! Из-за этого бездаря весь орден теперь в яме! Зачем было красть чужое ядро!

— И я с самого начала чуял неладное в этом Юйцине! То не хотел приходить, то вдруг явился — и вы даже не заподозрили его!

В конце концов старейшины набросились на главу, хватая его за грудки.

— Отвечай! Ты погубил Сюаньтянь ради этого ничтожества!

Глава, отбиваясь, кричал в ответ:

— Мой ученик не ничтожество! Минчжу просто нужно было ядро, и тогда он бы...

— Проснись, безумец! — оборвал его Второй старейшина.

Они готовы были вцепиться друг другу в глотки, когда двери зала распахнулись. В ослепительной вспышке молнии на пороге возник Сюй Фантин. Промокший до нитки, с пустым взглядом, он напоминал водяного гуля, выбравшегося из озера.

— Фантин... — выдохнул кто-то. — Чжу Цинчэнь ушел?

— Да, — безучастно отозвался юноша. — Он ушел.

Все разом выдохнули, точно сбросив тяжкий груз.

— Он не тронул тебя? — с надеждой спросил глава. — Ты не ранен?

Сюй Фантин на мгновение замер, но затем медленно качнул головой:

— Нет. Он побоялся поднять на меня руку, так как я — спаситель. Если бы не мой статус, сегодня здесь не осталось бы ни одного живого человека.

Старейшины притихли, не решаясь спорить. Сюй Фантин медленно прошел в центр зала, оставляя за собой мокрые следы, извилисто тянувшиеся по полу темной полосой.

Он опустился на одно колено:

— Учитель, как ваше самочувствие?

— Со мной всё будет в порядке после отдыха, — ответил глава, стараясь сохранить лицо.

Сюй Фантин протянул руку и коснулся бледной щеки Шэнь Минчжу. Тот всё еще был без сознания.

— Учитель, — произнес юноша. — Я хочу как можно скорее заключить с Младшим братом союз Дао.

— Что? — глава не поверил своим ушам.

— Я стану его спутником, чтобы лучше заботиться о нем. Когда он придет в себя и поймет, что его надежды на новое ядро рухнули, ему понадобится утешение. К тому же ордену сейчас нужно радостное событие.

Глава всматривался в лицо ученика, пытаясь уловить подвох. Но Сюй Фантин выглядел нежным и заботливым.

Старейшины тут же подхватили:

— Да, Фантин прав! Нам нужен праздник. И он всегда был предан Минчжу.

После долгих раздумий глава кивнул:

— Хорошо. Я отдаю Минчжу под твою опеку. Через несколько дней начнем приготовления.

— Благодарю, учитель. Я окружу его заботой, — Сюй Фантин склонился над Шэнь Минчжу, и на его лице проступила странная улыбка. Капля дождя упала с его лица на щеку Минчжу, оставив влажный след. — Ему будет со мной очень «хорошо».

Глава, тронутый такой внимательностью, окончательно успокоился. В этот миг за окном вновь прогремел гром.

— Это... тот Чэн И? — прошептал Второй старейшина. — Он формирует ядро?

Следом ударил второй раскат. Видимо, и Лу Наньсин не отставал. Сюй Фантин лишь крепче сжал плечо Минчжу. «Всего лишь ядра... Какая мелочь».

В этот момент Шэнь Минчжу открыл глаза. Взгляд его был пустым, пока не сфокусировался на лице Старшего брата.

— Мое ядро... — прохрипел он. Опомнившись, он начал исступленно бить себя по животу, заходясь в рыданиях. — Мое ядро! Я не хочу свое!

Фантин крепко прижал его к себе, шепча на ухо:

— Тш-ш. Скоро я уйду в уединение, а когда выйду — убью их всех и отомщу за тебя. Мы заключим союз, не плачь. Ты должен просто послушно заключить со мной контракт.

Лу Наньсин и Чэн И ускользнули, но Шэнь Минчжу теперь принадлежал ему целиком. Пусть Чжу Цинчэнь опозорил его — он всё ещё спаситель, и у него найдутся способы вознестись.

***

У подножия горы занимался рассвет. Дождь кончился, оставив после себя свежесть. Лу Наньсин открыл глаза и сделал последний глубокий выдох. Он чувствовал необычайную легкость в теле и ясность в мыслях.

— Мастер? — позвал он.

Чжу Цинчэнь прижал палец к губам и кивнул на Чэн И. Тот сидел неподвижно, с плотно закрытыми глазами. Наконец Чэн И выдохнул и открыл глаза.

— Сяньцзунь. Брат Лу.

Чжу Цинчэнь протянул руки, и оба ученика послушно положили свои запястья ему на ладони. Сяньцзунь направил тонкую струю духовной энергии, проверяя их меридианы.

— Как самочувствие?

— Сил прибавилось, — отозвался Чэн И. — В центре сознания теперь сияет крохотный золотой шар. От него исходит приятное тепло. Это ведь оно?

— Оно самое. А ты, Наньсин?

— И у меня так же.

В оригинале Лу Наньсин, израненный и истощенный, с трудом сформировал ядро лишь через три месяца. В этот раз он был цел, и под руководством Чжу Цинчэня ему хватило месяца. Чэн И оказался еще способнее.

Сяньцзунь опасался, не слишком ли поспешным был этот прорыв, но, убедившись, что всё в порядке, поднялся на ноги.

— Ну вот и всё. Друзья, спасибо за вашу помощь и бдительность.

Лу Наньсин и Чэн И поспешно поклонились практикам:

— Благодарим вас всех!

Вольные заклинатели вышли из тени бамбука:

— Пустяки. Чэн И... значит, вчера...

Юноша решительно кивнул:

— Да. Эти лицемеры хотели забрать мою силу. Низость!

— Настоящие звери! Хорошо, что Сяньцзунь успел. Мы разнесем весть об их делах по всем кабакам и лавкам!

Чэн И с улыбкой поблагодарил всех.

— Спасибо вам. Но разве ты на самом деле никогда не любил их Старшего брата?

— ...Конечно нет! Это был лишь план, чтобы вывести их на чистую воду.

Чэн И смущенно спрятался за спину Чжу Цинчэня. Сяньцзунь погладил его по голове и объявил:

— Лу Наньсин так благодарен вам, что приглашает всех к себе в деревню на пир с жареным мясом.

Лу Наньсин изумленно обернулся:

— Мастер, разве я...

Но гости уже не слушали, радостно восклицая и окружая юношу. Толпа двинулась в сторону деревни. Чжу Цинчэнь, отстав на пару шагов, тихо сказал идущему рядом Чэн И:

— Даже если когда-то он тебе и нравился — в этом нет твоей вины. Тебя просто обманули, не вини себя.

— Угу, — Чэн И покраснел. — Но если они узнают — засмеют ведь. Лучше буду молчать.

Чжу Цинчэнь не удержался от смешка.

***

Когда они вошли в деревню семьи Лу, солнце уже высоко стояло над горизонтом.

— Я вернулся! — прокричал Лу Наньсин.

Жители деревни радостно подняли головы, но тут же нахмурились:

— Погоди-ка... Всего месяц прошел. Тебя что, выгнали за обжорство? Или натворил чего?

— Какое еще обжорство?! Я вернулся вместе с наставником! И со мной друзья!

— Да вот же мой мастер! — Лу Наньсин подбежал к идущему позади Чжу Цинчэню.

Чжу Цинчэнь с улыбкой подтвердил:

— Всё верно. Он успешно сформировал Золотое ядро. Познакомьтесь — первый золотой практик в истории вашей деревни!

Сяньцзунь торжественно вскинул руку Лу Наньсина, словно вручая ему награду. Лишь тогда крестьяне отбросили инструменты и окружили юношу, хлопая его по плечам. Из дома вышел староста:

— Что за шум?

— Дедушка староста! Наньсин стал мастером Золотого ядра!

Староста замер, глаза его радостно блеснули. Он тут же зычно крикнул:

— Бросайте работу! Живо режьте скотину, доставайте красные ткани! Сегодня у нас великий пир!

Заметив Чжу Цинчэня, староста поспешил к нему и низко поклонился:

— Сяньцзунь, благодарю за вашу мудрость! — Затем он увидел остальных: — А это, должно быть, ваши ученики? Мигом накроем на столы!

К вечеру всё было готово. В центре деревни разожгли огромный костер. Чжу Цинчэнь был усажен на почетное место. Деревенские жители праздновали от души. Даже Системе, воплощенной в белом журавле, поднесли огромную чашу отборного риса.

Чжу Цинчэнь с удовольствием принимал угощения, а Лу Наньсин не отходил от него, подливая вина.

— Сяньцзунь, — Чэн И поднял чашу. — Пью за вас. Спасибо.

Стоило Чэн И подать знак, как все пятнадцать вольных заклинателей разом вскочили:

— Сяньцзунь!

Чжу Цинчэнь посмотрел на эту толпу. Пятнадцать человек... Если он выпьет с каждым, то просто не доживет до утра.

— Хватит-хватит, — поспешно сказал он. — Мне одной чаши довольно. Идите лучше к крестьянам.

Чжу Цинчэнь обернулся и встретил сияющий взгляд Лу Наньсина.

— А ты чего задумал?

Юноша схватил кувшин:

— Я ведь ваш настоящий, единственный ученик...

— Это кто тут ненастоящий?! — возмутились остальные.

— Отойдите! — Лу Наньсин отпихнул их. — Мастер, я был первым, а значит...

Чжу Цинчэнь выпил еще чашу и перевернул ее вверх дном:

— Довольно. Иди ешь.

Когда ночь полностью вступила в свои права, Лу Наньсин, изрядно захмелев, вернулся к Чжу Цинчэню. Усевшись у его ног и вцепившись в подол его одежд, он вдруг горько разрыдался:

— Мастер... у меня ведь нет ни отца, ни матери... Только вы так добры ко мне... Вы мне как отец родной! В моем сердце вы — самый настоящий батюшка!

Чжу Цинчэнь замер с куском мяса во рту. Впрочем... раз хочет считать отцом — пусть считает. Наставник на один день — отец на всю жизнь.

В этот момент Чэн И тоже подскочил, отпихнул Лу Наньсина и обхватил ногу Чжу Цинчэня.

— Врет он всё! Сяньцзунь мне как матушка! В моих снах мама такая же добрая! И только вы хвалили меня... Вы мне как родная мать!

Чжу Цинчэнь едва не поперхнулся:

— Позвольте, как это — мать?!

— Уйди! Это мой папа! — Лу Наньсин попытался оттащить конкурента.

— Не уйду! Это моя мама! — Чэн И вцепился мертвой хваткой.

Чжу Цинчэнь округлил глаза:

— Ребята, вы хоть слышите, что несете?! Система, спасай!

Система, успевшая и риза поест, и втихаря приложиться к вину, нетрезвой походкой подлетела к хозяину и потрясенно выдала:

«Ого... Значит, ты теперь для них "мужчина-мамочка"?»

«Сам ты мамочка» — огрызнулся Чжу Цинчэнь.

Журавль принялся клевать руки Лу Наньсина и Чэн И.

«А ну брысь! Это мой носитель! Я тут единственная мамочка!»

Началась настоящая потасовка. В конце концов крестьяне общими усилиями оттащили впавших в детство заклинателей. Уже когда их уносили, оба обиженно тянули руки:

— Мастер, не бросайте нас!

Белый журавль, гордо расправив крылья, обнял Чжу Цинчэня.

«Это мой малыш!!»

<http://bllate.org/book/15820/1439960>